

БРАТЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЪ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА.

VII (*).

Миссія Неофита; причина ея неуспѣха. — Мѣры, проектированныя съ Синодомъ къ искорененію раскола въ Поморьѣ. — Настоятельство Семена; доносы Халтурина и Круглаго.

Въ концѣ 1722 г. спокойствіе выговцевъ было нарушено прибытіемъ къ нимъ іером. Неофита (**). Успѣхъ дѣйствій преосв. Питирима на Керженцѣ подалъ Петру В. мысль (***)

(*) См. МЖ 5, 6, 8, 9, 10 и 11 «Прав. Обзорнія» 1865 г.

(**) Разсказъ о миссіи Неофита по подлиннымъ оѣціальнымъ документамъ см. въ статьѣ И. А. Чистовича — «Чт. М. О. Ист. и Древн.» 1859. кн. 3. Разсказъ о томъ же съ раскольнической точки зрѣнія — въ особомъ сочиненіи Андрея Денисова — исторія краткая о отвѣтахъ сихъ, которое находится въ приложеніи къ нѣкоторымъ экземплярамъ Поморскихъ отвѣтовъ; отдѣльно оно есть въ «Имп. Публ. Библ.» № 102 in 4 о. Такъ какъ въ существующихъ сочиненіяхъ по исторіи раскола это событіе излагается съ подробностями, то мы не будемъ разсказывать фактическихъ подробностей дѣла и ограничимся общими замѣчаніями.

(***) Что начинаніе этого дѣла принадлежитъ Петру, это видно изъ относящихся сюда указовъ. Воля государя объявлена была въ Синодѣ Феодосіемъ, архіеп. новгородскимъ. Указы можно читать отчасти въ «Соб. Соф. Библ.» № 1543, отчасти въ «Рукоп. Сборн. Имп. Публ. Библ.» № 401 in 4-о; именные указы Государя, сената и Синода можно читать въ рук. «Собр. прав. постан. по расколу», т. I; здѣсь же и инструкція Неофиту.

отправить миссіонера и къ раскольникамъ выгорѣцкимъ. Но замѣчательно, что инструкція (*), данная Неофиту, какъ бы въ соотвѣтствіе прежнимъ милостивымъ отношеніямъ Петра къ выговцамъ, существенно разнится отъ тѣхъ правилъ, какихъ находилъ нужнымъ держаться въ своихъ дѣйствіяхъ противъ раскольниковъ преосв. Питиримъ, и отъ тѣхъ наставленій, какія государь сдѣлалъ ему отъ себя лично, посылая къ нему на помощь Ржевскаго (**). «Св. Синодъ не намѣренъ, говорится въ инструкціи, никакимъ образомъ оныхъ (раскольниковъ) удерживать и озлоблять, но со усердіемъ требуетъ свободнаго о противности съ ними разглагольствія». Затѣмъ инструкція устраняетъ всякое содѣйствіе принудительныхъ мѣръ со стороны гражданской власти: Неофиту предписывается пригласить «на разглагольство ландрата и прочихъ знатныхъ персонъ», но «не для иныхъ какихъ опособовъ, а единственно достовѣрнаго ради свидѣтельства, котораго бы никто пороковать не могъ»; — велѣно было раскольниковъ «къ скорому и неосмотрительному отвѣту не принуждать, а дать справиться съ книгами; съ упорными и непокорными никакой жестокости не употреблять и свободы ихъ не пресѣкать».

Миссія Неофита не имѣла успѣха. Неофитъ былъ не лучший изъ миссіонеровъ, имѣвшихся тогда «при св. Синодѣ у раскольническихъ дѣлъ». Самъ св. Синодъ предполагалъ сначала отправить въ Поворье (***) іеромонаха Филарета, «обратившагося отъ раскольнической противности», который

(*) Такая же инструкція дана была и іером. Іосафу Рѣшлову, посланному въ черниговскіе скиты. См. «Собр. правит. постанов. по расколу», т. I.

(**) См. Есипова, т. II, въ статьѣ «Керженцы». Ландратъ Муравьевъ только одинъ разъ угрожалъ градскимъ судомъ и казнью однимъ главнымъ учителямъ выгорѣцкимъ и то лишь за ослушаніе высочайшей власти, когда они не хотѣли рѣшительно явиться на заводъ для составленій. «Указъ Е. И. В. изъ нацѣляріи Цетровскихъ заводовъ выгорѣцкимъ жителямъ Данилу Викулину, да Андрею Денисову съ товарищами можно читать только въ «Рукоп. Сборн. Имп. Публ. Библ.», № 401, in 4-o.

(***) См. ст. Н. А. Чистовича, стр. 162.

въ 1721 г. вызываемъ былъ въ Синодъ для состязанія съ раскольниками (*), которыхъ св. Синодъ приглашалъ безбоязненно приходить къ нему за рѣшеніемъ своихъ недоразумѣній (**); но «преосв. Питиримъ просилъ оставить Филарета для нуждъ нижегородской епархіи и на мѣсто его рекомендовалъ Неофита, представляя, что «онъ имѣеть къ разглагольствію съ раскольниками неусыпную охоту и вѣдніе Писавія не точію не менѣе Филарета, но и вящше». Между прочимъ самъ же Питиримъ, нѣсколько раньше, испрашивая у св. Синода разрѣшенія перевести въ новооснованный Кержебельматскій монастырь монаховъ Спасораевской пустыни, изъ числа которыхъ былъ Неофитъ, такъ отзывался объ нихъ: «есть въ балахнинскомъ уѣздѣ Раевская пустынь и въ той пустыни монаховъ всего 15 человекъ, но и тѣ самыя простѣйшіе и весьма неученыя» п пр. (***)). Въ «объявленіи, како преосв. Питиримъ раздѣлялся отвѣтами съ діакономъ Александромъ», Неофитъ подписался послѣднимъ изъ присутствовавшихъ тутъ духовныхъ лицъ: «Благовѣщенскаго монастыря старецъ Неофитъ» (****). Липранди, извѣстный предсѣдатель комиссіи о скопцахъ, перечитавшій, по его словамъ, десятки тысячъ раскольническихъ дѣлъ и, по видимому, знатокъ раскола, говоритъ, что Неофитъ не имѣлъ надлежащихъ познаній и не могъ хорошо выполнить возложеннаго на него порученія (*****). Изъ инструкціи Неофиту видно, что посылая его къ выговцамъ, не ожидали, что онъ встрѣтитъ въ олонецкихъ лѣсахъ такого сильнаго противника, какимъ оказался Денисовъ. И самъ Неофитъ, по примѣру Питирима, давая выговцамъ 106 вопросовъ, думалъ, конечно, поставить ихъ въ то затрудненіе, въ какомъ въ свое

(*) «Собр. пост. по раск.» кн. 1. Указъ на имя преосв. Питирима 1721 г.

(**) «Полное Собр. Зак., т. VI, № 3925.

(***) «Истор. Нижегород. іерарх. архив. Монархія», стр. 50.

(****) См. «Рукоп. Имп. Публ. Библ.», № 82, 1, 1, по катал. Эрмитажа. Также: въ «Росс. Визіюв.», т. XV, въ концѣ.

(*****). «Кельс.», вып. 2, стр. 148.

время находились діаконъ Александръ съ товарищи, но оказалось, что на сколько самъ Неофитъ былъ слабѣ Питирима, на столько Андрей съ своею школою былъ сильнѣ діакона Александра съ братіей. Большую часть жизни своей употребивъ на изысканіе «доказательствъ» своего ученія, Андрей теперь напрягалъ всѣ свои силы; независимо отъ опасности, которая грозилась всей общинѣ, дѣло касалось личного самолюбія и достоинства самаго Андрея. Въ инструкціи, данной Неофиту къ раскольнической толпѣ, провозглашалось, что ея учителя не свѣдуше Писанія, ни силы Божіей, живымъ своимъ ученіемъ прельщаютъ простой народъ и предъ такими прельщенными показываютъ себе быть мудрыми, весьма невѣжды суще, должнаго же ради разглагольствія себе не представляютъ, отговариваясь лживо, яко бы за страхъ удержанія и тѣлеснаго наказанія, что явно есть отбывательство и хотящаго имъ обличенія избѣжаніе. Это говорилось въ инструкціи Неофиту, которая представлена имъ была въ правленіе олонецкихъ заводовъ, гдѣ каждый желающій могъ ее прочитатъ (*), и при вниманіи къ дѣлу могъ найти такое показаніе очень правдоподобнымъ.

Написавъ свои отвѣты, Андрей не вручилъ ихъ самъ и не отправился лично препираться съ Неофитомъ: «се есть нѣчто не просто», доносилъ Неофитъ. Причиной этого было съ одной стороны нежеланіе подтвердить въ глазахъ всѣхъ, что онъ «главный учитель», какъ называлъ его Неофитъ, доказывая, что Андрей обманываетъ народъ, а съ другой—опасеніе быть схваченнымъ и отвезеннымъ въ Петербургъ на подобіе діакона Александра (**). Отправивъ для пренія съ Неофитомъ своего наперстника Мануила Петрова съ нѣсколькими другими, Андрей велѣлъ имъ уклоняться отъ устныхъ преній и болѣе ссылаться на книгу принесенныхъ

(*) У раскольниковъ эта инструкція распространилась во множествѣ списковъ.

(**) Казнь діакона только что послѣдовала передъ тѣмъ 13 февр. 1729 года. См. «Собр. Зак.», т. VI, № 3522.

ими отвѣтовъ. «О семъ во отвѣтѣхъ написано, благоволи отвѣты наши чести и тамо о сихъ засвидѣтельствуется», говорили выговцы, «и молаху г. ландрата, да чинное будетъ разглагольство, да прежде прочтется вопросъ, и на той— отвѣтство наше, на отвѣтство же, яко же хошетъ учитель, возотвѣтствуетъ. Сице г. ландратъ присуждаше, тако и прилучившіеся офицеры приглашаху, сице прочіи народи желлаху». Но съ діалектикой и эрудиціей автора Поморскихъ отвѣтовъ, безъ предварительнаго изученія ихъ, трудно было справиться такому человѣку «самому простѣйшему и неученому», какъ называлъ преосв. Питиримъ Неофита. Давая вопросы свои выговцамъ, по примѣру Питирима, Неофитъ упустилъ изъ вниманія, что преосв. Питиримъ, приступая къ собесѣдованію съ керженцами, предварительно развѣдываясь съ ними вопросами и отвѣтами, что, слѣдовательно, во время преній онъ имѣлъ возможность не только предлагать имъ свои доказательства, но и рѣшать ихъ возраженія, съ которыми познакомился заранѣе. Но главная причина безуспѣшности миссіи Неофита заключалась въ тогдашнемъ положеніи поморскаго раскола. Слово убѣжденія могло бы еще имѣть на выговлянъ нѣкоторое дѣйствіе, еслибы только они хоть сколько-нибудь чувствовали слабость своего положенія, имѣли хоть сколько-нибудь того желанія препираться «объ истинѣ», каковымъ характеризуется періодъ челобитныхъ, еслибы они смотрѣли на церковь безъ крайнихъ предубѣжденій и опасеній. Но среди того матеріальнаго благосостоянія, которое доставилъ Андрей своею энергіей Выговской общинѣ, раскольники вполне удовлетворялись тѣмъ ученіемъ, тѣми мнимо-церковными порядками, какіе далъ имъ Андрей. При видѣ богатства и благозвонія ихъ «храмовъ», при видѣ торжественныхъ празднествъ и свѣтлыхъ ликованій, отправлявшихся въ монастырь и въ скитахъ, съ богослуженіемъ и краснорѣчивыми проповѣдями Андрея,— въ общинѣ укрѣпилось самодовольство и рѣшительное нежеланіе искать мира и единенія съ церковію; они заботи-

лись не о томъ, чтобы найти истину, а чтобы оградить себя отъ всякихъ попытокъ со стороны церкви обратить ихъ на путь истины. При такомъ положеніи вещей едва ли можно было что-либо сдѣлать путемъ убѣжденія. А Неофитъ пріѣхалъ лишь препираться, онъ не имѣлъ за собою содѣйствія Ржевскаго, — всѣ мѣстные власти, задобренныя раскольниками, склонны были скорѣе содѣйствовать имъ, нежели Неофиту.

Не обративъ къ церкви ни одного раскольника, Неофитъ за то сообщалъ рядомъ донесеній и отчетовъ въ св. Синодъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о поморскомъ расколѣ, которыми были вызваны нѣкоторыя распоряженія правительства. Такъ, въ 1725 г. преосв. Феофилактъ предлагалъ св. Синоду, по соглашенію съ сенатомъ, употребить въ дѣйствіе болѣе надежную мѣру, состоящую въ томъ, чтобы, на основаніи высочайшихъ указовъ (1721, февр. 19 и др.) о возвращеніи бѣглыхъ людей, крестьянъ и бобылей на ихъ прежнія жилища, уничтожить самое гнѣздо выгорѣцкаго раскола, раздѣливъ по разнымъ мѣстамъ его жителей, болшею частію бѣжавшихъ изъ разныхъ городовъ и селеній. Этою мѣрой, съ одной стороны, расколъ лишился главной поддержки, заключавшейся, при болшемъ числѣ раскольниковъ, въ его сосредоточенности на одномъ мѣстѣ, и долженъ былъ ослабѣть отъ собственнаго раздѣленія; съ другой стороны, раскольники, бывъ раздѣлены по разнымъ мѣстамъ, гдѣ они жили прежде, могли бы всегда находиться подъ надзоромъ священниковъ и пачаdstва, чѣмъ, по меньшей мѣрѣ, должно бы пресѣкаться распространеніе раскола. Мѣра эта въ показанное время могла быть употреблена въ дѣйствіе тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что по недавности заселенія и устройства раскольническихъ пустыней легко было бы отдѣлять туземцевъ отъ пришлыхъ. Св. Синодъ принялъ это предложеніе, сообщилъ о немъ сенату въ дѣвнѣмъ, но дѣло это не имѣло дальнѣйшаго хода (*). Въ 1727 году 2 августа, (не

(*) И. А. Чистовичъ въ «Чт. М. О. Ист. и Древн.» 1859 г., кн. 3, стр. 136.

прежде, какъ уже по смерти Екатерины I), св. Синодь, по выслушаніи выписки изъ дѣла о Неофитѣ, опредѣлилъ сообщить сенату вѣдѣніемъ, чтобъ «у оныхъ раскольниковъ противныя благочестію книги, по которымъ они приводятъ двоеперстное сложеніе и двоекратное аллилуія, обравъ, прислать, также и главныхъ расколуучителей Данилу Викулина и Андрея Денисова и иныхъ, которые, не посвященны суще, церковная дѣйства дерзають чинить, свадьбы вѣнчаютъ, перекрещиваютъ, умершихъ отпѣваютъ и тѣмъ простой народъ прельщаютъ, для исправленія ихъ выслать въ Синодь, въ Петербургъ» (*). Это вѣдѣніе также осталось безъ послѣдствій.

При жизни Петра В., когда ничего не дѣлалось безъ личнаго усмотрѣнія государя, особенно же въ послѣдніе годы его жизни, когда Петръ былъ такъ много озабоченъ расколомъ, «высокоименитые господа», покровители Денисовыхъ, все еще затруднялись открыто помогать расколу. Смерть Петра В. и

(*) См. «Собр. постан. по раск.», т. I, стр. 195. Изъ этого указа, равно какъ и изъ предыдущаго (см. «Собр. пост.», т. I, стр. 137) видно, какъ несправедливо смотритъ на Неофита прот. Иоанновъ, который, не довольствуясь обвиненіемъ Неофита въ ограниченности и неспособности, подозрѣваетъ его въ подкупъ и взяточничество (см. «Полное историч. извѣстіе», стр. 94—100), основываясь на свидѣтельствѣ раскольниковъ, подтвержденіе котораго видятъ въ томъ, будто Неофитъ не донесъ св. Синоду о безпорядкахъ и преступленіяхъ въ Выговской пустыни, которыхъ не могъ не знать: перекрещиванья и т. п. «золотомъ-де глаза у него засланы были». Мы и прежде (наприм. въ его разсказѣ объ отношеніяхъ Андрея къ Софѣ) не разъ видѣли его чрезмѣрную довѣрчивость къ разсказамъ раскольниковъ, которые въ его время (при Екатеринѣ II) могли хвастать чѣмъ угодно.... Изъ этого указа видно, да-дѣе, что опасеніе Андрея, по которому онъ не пошелъ лично прешираться съ Неофитомъ, имѣло основаніе. Въ сочин. преосв. Феофилакта и особенно въ дополненіи къ нему — Арсенія Маціевича («Рукоп. Имп. Публ. Библ.») сообщается весьма много подробностей о жизни выговцевъ, которыя могли быть почерпнуты только изъ донесеній Неофита. Такъ эти писатели обличаютъ выговцевъ въ томъ, что «они живутъ прелюбодѣйно и младенцамъ, отъ прелюбодѣянна раждающимся, чинятъ убійство»,—что выговцы имѣють денегъ не малую сумму, всегда готовыхъ къ злому ихъ намѣренію и пр.

вступленіе на престолъ Екатерины I, открыли имъ полный просторъ: во главѣ приближенныхъ Екатерины стоялъ Меншиковъ, давній благопріятель раскола; затѣмъ слѣдовали или нѣмцы, безразличные къ дѣламъ вѣры, или продажные подъячіе, въ родѣ Волкова и Макарова. Еще въ 1723 г., когда въ силу Высочайшаго указа 1721 г., св. Синодъ требовалъ изъ военной конторы для дѣйствія противъ раскольниковъ оберъ-офицера съ капральствомъ солдатъ, синодальный дворянинъ Рагозинъ въ сказкѣ объявилъ, что «секретарь военной коллегіи Макаровъ съ товарищи сего указа не принялъ и посему признается, что та коллегія посылаемыхъ изъ Синода указовъ слушать не хочетъ и какъ Е. И. В. имянной указъ 1721 г., такъ и синодальное правительство въ уничтоженіи быть значителенъ, а въ изысканіи раскольниковъ учинилось немалое препятствіе».

Въ 1725 г. іюля 7, лишь только умеръ Петръ, эти «высокоименитые господа», не довольствуясь тѣмъ, что по просьбѣ выговцевъ освободили ихъ отъ двойнаго подушнаго оклада и зашѣнили его прежнею, ничего не стоившею выговцамъ повинностію — «работами на повѣнецкихъ заводахъ», хотѣли было завѣдываніе раскольническими дѣлами и сборъ двойнаго подушнаго оклада, назначеннаго на содержаніе миссіонеровъ обратить въ собственность гражданскаго вѣдомства. Св. Синодъ нашелъ нужнымъ вѣдѣніемъ сообщить сенату, что 1) «какъ раскольническимъ дѣламъ по духовному регламенту, такъ и сбору съ раскольниковъ по силѣ именнаго указа 1721 г. должно быть подѣ синодскимъ вѣдомствомъ, дабы содержаніе миссіонеровъ не пресѣклося: ежели же оный сборъ будетъ не подѣ синодскимъ вѣдомствомъ, то ни прежде определенныхъ къ раскольническому увѣщанію персонъ содержать, и впредь, кого надлежитъ, послать будетъ нечѣмъ; нанпаче же по оному съ раскольниковъ сбору будутъ духовные свѣтскимъ подчинены; а раскольникамъ, когда увидятъ себя отъ духовной власти отрѣшенныхъ и подѣ свѣтскимъ вѣдомствомъ содержащихся, подастся къ духовнымъ презрѣніе; а ежели непре-

и́нно оный сборъ подѣ свѣтскою оставить командой, то ради выше показанныхъ резоновъ надлежитъ отъ всего раскольниковскаго дѣла духовенство весьма отрѣшнить и къ тому дѣлу приличные регламента, собственною Его Импер. Величества рукой написанные, пункты отставить, о чемъ Ея Императорскому Величеству отъ Синода и докладъ поданъ; 2) перемѣною двойнаго оклада на заработка (такъ было поступлено съ выговцами въ уваженіе ихъ прошенія) великая будетъ раскольникамъ льгота, ибо хотя они вмѣсто платежа денегъ и работать будутъ, но не такъ имъ то будетъ важно, какъ платежъ денегъ, что во многомъ числѣ при работѣ имѣющихся людей можетъ всякій сыскать себѣ способъ легкости, отчего паки ихъ будетъ множиться». Затѣмъ вѣдѣніе представляетъ на видъ сенату вышеизложенныя соображенія преосв. Феофилakta о разсылкѣ собравшихся въ выговскихъ дѣсахъ раскольниковъ на прежнія мѣста ихъ жительства и между прочимъ говорить: «по именнымъ указамъ государя Петра Великаго, по всему государству, кромѣ малой Россіи, монастырки и пустыньки малобратственныя, хотя и православныя, вѣдно упразднить, дабы чего противнаго церкви и благочестію тамъ не возымѣлось, а вышеозначенныя премерзскіе раскольниковыя скиты, самовольно или построенныя, не токмо не упразднены, но ни откуда имъ запрещенія не имѣется, а по мнѣнію св. Синода, по силѣ вышеозначенныхъ Императорскаго Величества именныхъ указовъ о упраздненіи монастырьковъ, тѣ ихъ раскольниковыя скиты не токмо надлежитъ упразднить, но и до основанія должно разрушить (*). И для чего бы тѣхъ раскольниковыхъ скитовъ не упразднить? Или они отъ превысочайшія россійскія державы отъ подданства, яко чужестранныя, исключены?» Затѣмъ, обращаясь снова къ мыслямъ о разселеніи выговскихъ раскольниковъ по прежнимъ мѣстамъ ихъ жительства, вѣдѣніе выставляетъ въ примѣръ ни-

(*) Подобный законъ изданъ былъ еще царемъ Феоодоромъ Алексѣевичемъ; см. «Акт. Истор.», т. V, № 75, стр. 117.

жегородскую епархію, гдѣ вслѣдствіе подобной мѣры «раскольщичи день отъ дня умаляются». И это представленіе не было приведено въ исполненіе. Въ продолженіе царствованія Екатерины I и Петра II выговцы положительно благоденствовали.

Въ 1730 г. умеръ Андрей Денисовъ. Семень, заявившій его мѣсто, продолжалъ дѣло, начатое братомъ. Еще при жизни Андрея бывши ближайшимъ его помощникомъ, онъ вполне понималъ и усвоилъ его идеи и планы и для осуществленія ихъ обнаружилъ не меньшую энергію. Отношенія его къ общинѣ были такія же, какъ и отношенія Андрея: онъ совѣтовался съ отцемъ Даниломъ и съ прочими соборными и съ суземскими, со старостомъ и выборными. Дѣятельность его была такъ же многосторонняя: онъ написалъ «уставъ богослуженія, изражающій настоящее положеніе Христовой церкви неосвященныхъ мужей», «уставъ о благочиніи въ Выгорьцкой киновіи и въ прилежащихъ къ ней скитахъ» и «чинъ исповѣди простолюдиамъ» (Люб. №№ 568 и 569); наблюдая за поддержаніемъ установленнаго порядка, употреблялъ тѣ же самыя приемы и снособы, какъ и Андрей, т. е., старался дѣйствовать на братію посредствомъ проповѣдей, въ которыхъ, съ одной стороны, по временамъ лѣстилъ братіи, восхваляя ихъ за тѣ или яныя добродѣтели (посланіе, ублажающее всю его братію въ превосходномъ видѣ, о ихъ общихъ трудахъ и горячихъ молитвахъ, о благоустройствѣ и вождѣльномъ мнрѣ во всей Выгорьцѣ Люб. № 503), чтобы въ другой разъ имѣть возможность сказать имъ слово «о нравственности, направленной на всѣ роды не нравственности его киновіи» (Люб. № 539); указывая на тѣсныя и скорбныя обстоятельства (Люб. № 550) убѣждалъ братію къ терпѣнію, къ твердому соблюденію православной вѣры и любви къ ближнимъ» (№ 548), къ подвигамъ поста и молитвы (№ 542), особенно распространялся о необходимости послушанія братскаго (551), «объ отверженіи міра и всѣхъ его суетъ», «объ особенномъ благоволеніи Божиимъ къ живущимъ въ киновіи и пустыняхъ»

(555, 556), о упованіи небесныхъ благъ и пр.; вообще Семень проповѣдывалъ такъ же часто, какъ и Андрей, пользуясь всѣми къ тому случаями, преимущественно въ торжественные праздники, и имѣлъ большое вліяніе. Затѣмъ, подобно Андрею, онъ велъ полемику противъ «грубыхъ едосьянъ», заботясь «о прекращеніи междоусобной ихъ вражды и скоромъ воздвиженіи ихъ мира и любви» (557, 558), писалъ опроверженія противъ православныхъ сочиненій, направленныхъ противъ раскола (531—536) и пр.

Но главная забота Семена Денисова, какъ и Андрея, была о томъ, какъ «Императорское Величество и прочихъ высокнхъ особъ къ милосердію приклонити»; съ этою цѣлю, слѣдуя опять примѣру Андрея, онъ «посылалъ братію на море и въ дальнія мѣста звѣрей живыхъ ловити», которыхъ и отправлялъ въ Москву и Петербургъ «не только къ его Величеству Петру II, но и къ великимъ господскимъ лицамъ, и письма писалъ къ его Императорскому Величеству и къ господамъ, какъ прежде того дѣлалъ братъ его Андрей» (*).

Не смотря впрочемъ на то, что Семень не менѣе своего брата заботился о упроченіи мирныхъ отношеній къ «внѣшнимъ» властямъ, время его управленія было далеко не такъ благополучно, какъ время Андрея. При немъ послѣдовали на Выговцевъ два доноса, надѣлавшіе имъ много хлопотъ (**). Въ доносахъ этихъ (равно какъ и въ предшествующихъ доносахъ Лыскова, предавшаго Семена Денисова въ руки правосудія и другаго раскольника, бывшаго причиною за-

(*) См. *Ист. Выгов. пустыни*. Къ такимъ приношеніямъ Выговцевъ до того привыкли въ Петербургѣ, что стали обращаться къ нимъ за оленями и безъ ихъ вызова. Такъ въ 1722 г. по приказу императрицы раскольники должны были представить въ Петербургъ 100 оленей. Представляя эту подать, они не упускали случая заявить о своихъ вѣрно-подданическихъ чувствахъ и просить себѣ милости. *Евнп.* Т. I, 308.

(**) Фактическія подробности перваго событія см. у Есипова въ 1 т. -раск. дѣла XVIII ст., о доносѣ Круглаго—въ статьѣ И. А. Чистовича. Есиповъ изъ этой статьи заимствовалъ буквально весь этотъ рассказъ, приложивъ къ нему документы изъ дѣлъ тайной канцеляріи.

ключенія Даниила на Петровскихъ заводахъ) замѣчательно прежде всего то обстоятельство, что всѣ они дѣланы были лицами, принадлежавшими къ Выговской общинѣ, вслѣдствіе недовольства строгою, будто бы, монастырскою дисциплиной. Всѣ эти доносчики были наказаны Андреемъ и Семеномъ и своими доносами истязали настоятелей за ихъ строгость. Затѣмъ эти доносы замѣчательны тѣмъ, что во всей подробности раскрыли предъ правительствомъ тѣ настроенія во внутренней жизни Выговцевъ, на которыя только отчасти указалъ Неофитъ: доносчики были изъ среды самихъ выговцевъ и хорошо знали жизнь ихъ. Доносы эти дали поводъ къ разслѣдованіямъ и заставили и гражданскую власть обратить болѣе серьезное вниманіе на расколъ. Доселѣ гражданское правительство оставалось въ томъ убѣжденіи, что преступность выговцевъ, на которую указывали пастыри церкви, заключалась лишь въ употребленіи старопечатныхъ книгъ при богослуженіи, какъ въ этомъ увѣрялъ ихъ Андрей Денисовъ въ своихъ прошеніяхъ, прося государя избавить отъ мучительства за старыя книги своя рабы. При такомъ понятіи о дѣлѣ, даже болѣе благонамѣренные изъ свѣтскихъ сановниковъ видѣли въ законныхъ требованіяхъ церковной власти излишнее притязаніе. Миссія Неофита обнаружила, что въ расколѣ есть многое и кромѣ старопечатныхъ книгъ. Доносы бывшихъ членовъ выговской общины, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, и изслѣдованія по этимъ доносамъ, открыли для всѣхъ истинное положеніе дѣла. Изъ доносовъ Халтурина и Круглаго гражданскія власти усмотрѣли въ расколѣ много противнаго не только церкви, но также законамъ гражданскимъ и общественному благу, усмотрѣли въ расколѣ сторону политическую. Халтуринъ и Круглый доносили, что выговцы, вопреки всѣмъ прежнимъ увѣреніямъ и заявленіямъ своихъ вѣроисходанныхъ чувствъ, «за царя Бога не молятъ, что, уводя изъ городовъ женъ и дѣвокъ, живутъ съ ними блудно», что при такомъ характерѣ раскола даже приходскіе священники не только не дѣйствуютъ противъ раскола ника-

книги и браши, но мировать расколу, что раскол растетъ и множится не по днямъ, а по часамъ, такъ что православные составляютъ въ цѣломъ край незначительное меньшинство и находясь отъ раскольниковъ въ угнетеніи и презрѣніи,— что въ то время, какъ расколуучители пользуются въ народѣ репутацией «святыхъ отцевъ», православные священники, оставшіеся вѣрными своему долгу, не только не пользуются никакимъ авторитетомъ, но и безпачаданно подвергаются побоямъ (*). Понятно, что въ виду такого положенія дѣла, не только власти церковной нужно было употребить все ищры, если не для обращенія на путь истины упорныхъ фанатиковъ, то для предупрежденія совращенія простодушныхъ, не свѣдущихъ въ вѣрѣ православныхъ простолюдиновъ, попеченіе о которыхъ составляетъ прямую обязанность и неотъемлемое право церкви; но и власть гражданская должна была позаботиться о томъ, чтобы не распространилось такое общество, со стороны котораго оно видѣло фанатическую ненависть къ себѣ, затаенную, но тѣмъ не менѣе сильную. Но и въ это время, тогда какъ одна часть вельможъ—«верховниковъ» (такъ называетъ пр. Феофанъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, управлявшихъ государствомъ въ смутную эпоху отъ Петра I до Анны Иоанновны) обнаруживала желаніе дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, нашлось между ними нѣсколько и такихъ, которые продолжали покровительствовать расколу, новечно, не изъ безнорыстныхъ побужденій вѣротерпимости: исторія Выговской пустыни съ благодарностію говоритъ о заступничествѣ П. И. Ягужинскаго, Ушакова и Левольда (вѣроятно Левенвольдъ, одинъ изъ товарищей Бирона); послѣдній доставилъ возможность выговскому страдальцу проникнуть во внутренніе покои дворца императрицы Анны Иоанновны, чтобы водать тамъ свое оправданіе противъ доноса Круглаго. Но конечно число благопріятствовавшихъ расколу, прямо

(*) См. доношеніе Воловерскаго священника, у Есипова въ 1 томѣ.

или кесвенно, не ограничивалось этими тремя лицами: сюда же нужно отнести всю партію гонителей «Кинія вѣры» и враговъ прессы. Феофилакта. Эти люди парализовали всѣ усилія ревнителей церкви и гражданскаго порядка, хотя мы видимъ нѣсколько указовъ, направленныхъ противъ выговской общины, относящихся къ этому времени, но указы эти остались безъ исполненія.

Въ 1730 г., пока еще не послѣдовала доносъ Халтурина, выговцамъ продолжали еще оказывать милости: въ этомъ году, октября 16, послѣдовала указъ сената, которымъ раскольщики и колодежные жители, обрѣтающіеся въ олонецкомъ уѣздѣ, освобождались отъ рекрутской повинности, такъ какъ когда-то было сдѣлано распоряженіе о переписи ихъ и они значились состоящими подъ двойнымъ подушнымъ окладомъ. Но подъ 9 августа 1733 г. мы находимъ распоряженіе сената, которымъ для переписи въ выгорѣцкихъ лѣсахъ и другихъ мѣстахъ «бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ» — «вмѣсто того, что велѣно было послать изъ Новгорода офицера или изъ дворянъ по близости, послать изъ обрѣтающихся близъ тѣхъ мѣстъ Олонца или уѣзда съ штабнаго двора офицера.» Затѣмъ послѣдовала комиссія Самарина, напугавшая выговцевъ, но окончившаяся для нихъ довольно благополучно. По отъѣздѣ Самарина, въ продолженіе семи лѣтъ въ Олонцѣ жила новая комиссія изъ нѣсколькихъ свѣтскихъ лицъ и духовныхъ персонъ, «достаточныхъ» и понести то дѣло могущихъ». Она имѣла цѣлю изслѣдовать и сдѣлать доношеніе въ св. Синодъ о пребывающихъ въ выгорѣцкихъ скитахъ раскольническихъ первостатейныхъ наставникахъ Семенъ Денисовъ, Данилъ Матвеевъ и пр., какія въ скитахъ зданія, и сколько въ которомъ тѣхъ раскольниковъ и раскольницъ записныхъ и незаписныхъ въ жительствѣ имѣется, и изъ которыхъ мѣстъ и когда въ тѣ скиты пришли и чьи крестьяне, чтобы св. Синодъ по этому доношенію, на основаніи состоявшихся прежде высочайшихъ указовъ, могъ сдѣлать о нихъ представленіе въ тайную канцелярію, а до того време-

ни, пока эта послѣдняя не поставитъ свое опредѣленіе, св. Синодъ предписывалъ отправлять «слѣдательныхъ» раскольниковъ въ свѣтскій судъ въ новгородскую губернскую канцелярію, — «которые своего иждивенія на то не имѣютъ, тѣхъ на коштѣ содержателей ихъ и старостъ и выборныхъ тѣхъ волостей, въ которыхъ оныя находились» (*). Любопытный упоминаетъ о прошеніи, поданномъ Семеномъ Денисовымъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, въ которомъ выговскій настоятель жаловался, «о крайнемъ насліи и разореніи выгорѣцкой киновіи, бывшемъ отъ изувѣрства и необразованія седмолѣтней компаніи вышняго начальства злобнаго міра» (№ 560).

Въ устроеніи внутренняго быта Поморской раскольниковской общины съ одной стороны, въ упроченіи благопріятныхъ отношеній въ ней правительства гражданскаго съ другой — и состоитъ главное значеніе братьевъ Денисовыхъ въ исторіи раскола,—значеніе, изобразить которое было нашей задачей. Въ этомъ состояли существенныя потребности раскола въ то время, въ этомъ и братья Денисовы поставляли свою главную цѣль, для достиженія которой у нихъ все прочее было средствомъ....

НИКОЛАЙ БАРСОВЪ.

(*) См. «Собр. постан. по расколу» т. 1, годъ 1739, подъ числомъ ноября 14 и декабря 12.